

Отдел I. Оригинальные статьи.

Григорий Антонович Захарьин в истории русской медицины.

(К 30-летию его смерти).

Ст. ассистента Пропедевтической терапевтической клиники Казанского университета **А. М. Предтеченского.**

(С портретом).

Тридцать лет, прошедшие со дня смерти профессора Московского университета Г. А. Захарьина, — достаточный срок для того, чтобы имя Захарьина считать историческим; таковым оно является и по тому значению, какое Г. А. имел в русской медицине.

Мне, начавшему свою медицинскую работу в клинике ближайшего преемника Захарьина и его ученика, проф. П. М. Попова, где особенно сохранились традиции Захарьинской школы, хотелось бы остановиться на некоторых чертах жизни и деятельности Г. А.

35 лет ученой деятельности Захарьина в Московском университете (1860—95 гг.) — такой срок, который оказал неизгладимое влияние на постановку медицинского дела в этом университете, а вместе с тем и на всю русскую медицину, — тем более, что это было время, когда собственно и зародилась русская научная медицина.

При вступлении Захарьина на кафедру университетская обстановка в Москве, по выражению Н. И. Пирогова, была самая печальная, — в пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого столетия большинство университетских кафедр здесь было занято иностранцами, которые с пренебрежением относились к русским ученым; в то же время медицинское образование в университете было поставлено убого, стояло далеко от настоящей науки и было полным грубой эмпирии.

Как замечает проф. В. Ф. Снегирев в речи, посвященной памяти Захарьина (1898), то было время, когда достаточно было иметь иностранную фамилию, чтобы пользоваться уже преимуществом, и когда у нас существовали „целые учреждения, куда с русскими именами попасть было мудрено“.

В плеяде русских ученых медиков того времени, работавших в Московском университете, каковы Бабухин, Тольский, Шереметевский, Захарьин занял одно из первых мест, и на него, по выражению В. Ф. Снегирева, выпала громадная работа „поднять имя русского ученого деятеля, возвести его на должную высоту и дать его деятельности широкий и независимый простор“. Все это и было выполнено Захарьиным блестяще.

Вернувшись из заграницы во всеоружии современных знаний, почерпнутых у Virchow'a, Troussau, Oppolzer'a и др., Захарьин приступил к чтению семиотики внутренних болезней в Московском университете, введя новые тогда методы перкуссии и аускультации, а также

способы лабораторного исследования, которые теперь являются неотъемлемым достоянием всякого врача. Этим путем он ставит преподавание медицины на научную почву, а выработанным им методом распроса больного,—методом поистине всеобъемлющим, обнимающим собою и жалобы больного, и образ его жизни, и наследственность и т. д.,—а также строгим, систематически проводимым определением субъективных и объективных данных при помощи различных методов исследования, закладывает основы рационального распознавания болезней.

Относительно этого метода распроса, введенного Захарьиным, нужно сказать, что он не представляет собою механического перечня вопросов,—это есть строго-научный метод, построенный на законах мышления, при котором спрашивающий проделявает в своей голове колоссальную работу, построенную на законах логики. Только таким образом построенный анамнез и позволяет заметить американцу Моупиан'у, что, например, при болезнях желудка „анамнез—все“. Будучи строго индивидуализирован, этот метод признается выдающимся французским клиницистом Нисгард'ом доведенным до степени искусства и точной науки, так как он имеет в виду всего больного человека в целом,—принцип, введенный еще Гиппократом.

В этом отношении значение Захарьина, положившего начало новому направлению в русской медицине, является поистине огромным.

Велико значение Г. А. и как академического деятеля, в жизни и деятельности Московского университета, где он, как человек с широким научным кругозором, содействует организации совершенно новых учреждений, напр., бактериологической лаборатории, а также целому ряду клиник: пропедевтической, детской, клиники болезней уха, горла и носа, женской.

С глубокой признательностью вспоминая о Г. А., В. Ф. Снегирев считает неопенимой ту заслугу, какую он проявил в организации гинекологической клиники в Московском университете. Начало этой клинике было положено в виде небольшой палаты на 6 коек, которую Захарьин уступил Снегиреву в своей клинике. Здесь,—замечает Снегирев,—было произведено много операций, здесь была с успехом произведена первая в клинике оваритомия, а также были выработаны постоянное орошение, вапоризация и др. методы. Наконец, здесь было положено начало и тому методу распроса больной женщины, который, по словам Снегирева, является дальнейшим дополнением и развитием Захарьинского метода.

Лишь благодаря Захарьину в Московский университет были привлечены, далее, такие выдающиеся научные деятели, как профф. Н. Ф. Клейн, М. Н. Никифоров, Воронин, Войтов, Огнев, В. Ф. Снегирев, А. И. Поспелов, Черинов, А. А. Остроумов, Н. Ф. Голубев, П. М. Попов, В. Ф. Поляков и др.

Как врач, Захарьин был выдающимся терапевтом, который во всеоружии медицинских знаний при помощи своего метода распроса мог поставить точный диагноз, причем, помимо глубокой интуиции, присущей ему, как крупному врачу, здесь играла большую роль и логичность выводов в построении диагноза. „Загонит он тебя своей логикой в угол, прижмет к стене, и нет тебе выхода“,—характеризует Елпатьевский научность и логичность Захарьинских диагнозов.

В оценке деятельности Захарьина, как врача, надо, конечно, принять во внимание ту историческую эпоху, когда он жил,—эпоху, когда положение врача вообще было далеко незавидным: врач в то время считался на одном уровне с цирюльником или же поваром, он не имел права входить с парадного хода, в праздники получал подарки и т. д. И вот, в такое-то время и выступает на сцену Захарьин со своими взглядами на деятельность врача. Основой этой деятельности, по Захарьину, была независимость. „Врач должен быть независимым, не только как поэт, как художник, но выше этого,—как деятель, которому доверяется самое дорогое—здоровье и жизнь“,—говорил, по Снегиреву, Захарьин. За эту сторону деятельности врача он боролся до конца жизни. „Вся жизнь и деятельность его были принесены для утверждения этого положения, и надо сказать, он этого достиг“ (Снегирев). Авторитет Захарьина, а также и вообще авторитет врача, возрос. Что врач сказал, то и надо делать,—такое мнение распространилось по всей России, ибо имя Захарьина было известно во всей России, и к нему стекались больные со всех концов нашего отечества.

Деятельность Захарьина относится к тому времени, когда понятия о санитарии и гигиене были мало известны русскому обществу, а вернее—и вовсе были ему чужды. Теперь уже немногие помнят о различных чертах из старого русского быта, быта старого москвича,—об антресолях с низкими потолками, больших и светлых „парадных“ комнатах и темных спальнях и детских с сырыми стенами, у которых стояли кровати, когда часто в квартире больше заботились о „домовитости“, чем о свежем воздухе, а спальни даже признавались лучшими темные,—лучше спать, прохладно, нет мух и т. д.

Захарьин со свойственной ему решительностью повел борьбу со всем этим и, благодаря своему авторитету, смог уничтожить это, распространяя в тогдашнем русском и в частности московском обществе здоровые гигиенические идеи относительно необходимости и свежего воздуха, и света, и движений на воздухе. И в его печатных лекциях мы встречаем массу всяких гигиенических наставлений, которые нам теперь кажутся, может быть, шаблонными и не заслуживающими такого внимания, но в то время представляли из себя новость.

Захарьину же мы обязаны и широкой пропагандой наших русских курортов, которые до него мало посещались русскими больными, предпочитавшими им иностранные, и введением в практику кумысолечения. Он же ввел лечение минеральными водами на месте и дал способы и методы назначения их, и составленная им классификация минеральных вод является классическою. Наконец, русская деревня с ее простором, с ее необъятными равнинами,—она также была введена Захарьиным, как метод лечения для туберкулезных больных, для переутомленных, неврастеников и т. д., и как много пользы принес этот дешевый сравнительно способ лечения,—должен признать всякий беспристрастный клиницист.

Таким образом мы видим Захарьина, как первого у нас физиотерапевта. Вообще Захарьин был чистым терапевтом, он верил в терапию, верил в лекарства. Вот почему в его печатных лекциях мы находим часто самые подробные указания относительно того, как и когда надо принимать то или иное средство. Мы не видим у него большого арсе-

нала лекарств, но за то те, которые им даны, указаны с большой полнотой и со всеми подробностями, когда и как их принимать, и почему. Они строго индивидуализированы, что и дает основание Нисхард'у заметить, что терапия у Захарьина была доведена до уровня точной науки.

Перед смертью Захарьина, когда возник вопрос о приглашении кого-либо к больному, он сказал: „Зачем звать, что он Вам поможет, разве Вы не все сделали,—очистили желудок, поставили пьетки, мушку, дали бром, терапия все сделала, остальное не в нашей власти“. Эти слова показывают, что Захарьин был убежденным терапевтом. „Давая совет больному, он не жалел ни времени, ни обстоятельство, ни красноречия“ (Снегирев). Известны случаи, когда он по два—три часа выслушивал больного и давал ему и окружающим его советы, только тогда кончая, когда видел, что его поняли.

Как большой и тонкий терапевт-психолог, Захарьин, конечно, действовал и на психику больного и окружающих его, так что в его подходе к больному и в его терапии надо безусловно видеть черты и психотерапии. Больной всецело доверял Захарьину, поэтому о последнем много известно всяких рассказов, как он часто излечивал больных одним своим словом.

Будучи чистым терапевтом, Захарьин, однако, интересовался всякими медицинскими новинками и не только в своей области, но и в других отделах медицины—хирургии, ортопедии, гинекологии. В. Ф. Снегирев рассказывает, как подробно Захарьин спрашивал о той или иной новинке в хирургии или гинекологии, стараясь все понять.

В подходе Захарьина к больному было стремление определить причину и патогенез болезни; отсюда и терапия у него является настолько симптоматической, сколько каузальной. Выдвинутые в его работах объяснения патогенеза хлороза и желчно-каменной болезни сохраняют свое значение до сих пор. У него можно уже видеть указания и на зоны кожной гиперэстезии. Далее, Захарьин указал на значение конституции, выделил типы предрасположения к туберкулезу, а также обратил внимание на значение среды для вырождения семьи.

Этими своими указаниями он подготовил путь для позднейшего развития взглядов на наследственность, разработанных Остроумовым, которого он выдвинул на кафедру и деятельностью которого очень интересовался, а учитывая функциональные нарушения органов, Г. А. предугадывал тот функциональный уклон в медицинской мысли, который является характерным для современной медицины.

Захарьинская школа не умерла с Захарьиным, пережила его, дав целую плеяду ученых и врачей, разбросанных по всему Союзу, и будет жить и оставаться тем маяком, который освещает путь будущим поколениям врачей.